

Когда Ци Юньхэн покидал Столицу, он не только не предупредил госпожу Юнь заранее, но и не забрал её с собой. Однако госпожа Юнь оказалась счастливицей: она не только благополучно дожила до того момента, когда Ци Юньхэн укрепил свои позиции и, руководствуясь сыновним долгом, был вынужден забрать её, но и теперь, пользуясь своим статусом матери, стала одной из самых уважаемых женщин в стране.

— Кстати, мне нужно предупредить тебя об одной вещи. — сказал Оуян. — В своё время твоя мать меня ненавидела и готова была задушить. Теперь, когда ты стал императором, я думаю, она вполне может попытаться осуществить то, о чём когда-то только мечтала. Но ты же знаешь, я не позволю ей так просто напасть на меня. Если раньше я мог дать ей пощёчину, то сейчас могу и проломить ей голову. Так что, если ты не хочешь оказаться между двух огней, лучше присматривай за ней и не давай ей приближаться ко мне.

— Не беспокойся. — Ци Юньхэн похлопал Оуяна по спине и спокойно произнёс. — Хотя я не подам ей отравленного вина или шёлкового шнура, я и не настолько слаб, чтобы позволить ей наслаждаться почестями императрицы-матери. Сейчас всеми делами во дворце занимаются мои доверенные люди, а она лишь носит титул императрицы-матери, не имея ни власти, ни людей. Если она захочет напасть на тебя, единственное, что она сможет сделать, — это издать указ, но этот указ... хм... никогда не покинет Дворец Цыань.

— Я просто предупреждаю, а ты сам решаешь. — Оуян не стал спорить. — Только не начинай обвинять меня, если я вдруг кого-то убью.

— ...И не убивай на самом деле. — Ци Юньхэн усмехнулся.

— Видишь, ты сам понимаешь, что некоторые вещи «неизбежны». — Оуян фыркнул.

Ци Юньхэн тяжело вздохнул и обнял Оуяна.

Пока Ци Юньхэн и Оуян наслаждались обществом друг друга, в гареме тоже шли разговоры о них.

Мать старшего сына, супруга Гао, не придавала большого значения приезду Оуяна.

Хотя её брат Гао Мин уже передал ей, настоятельно советуя не вступать в конфликт с Оуяном, сама супруга Гао тоже немного понимала истинные «предпочтения» Ци Юньхэна. Но в её глазах, как бы ни был любим мужчина, он не может родить ребёнка, а она уже пережила тот возраст, когда нужно бороться за внимание.

Между ней и Оуяном не было конфликта интересов, и они могли бы объединиться в союз. Оуян мог бы помочь ей поднять статус её сына, Ци Юйчэ, в глазах Ци Юньхэна, проложив путь к трону, а она могла бы обеспечить будущее Оуяна — гарантировать, что он и его семья не будут уничтожены новым императором после смерти Ци Юньхэна.

Поэтому, даже узнав, что Ци Юньхэн лично отправился в Летний дворец, чтобы встретить императорского супруга, супруга Гао оставалась спокойной, занимаясь своими делами и не предпринимая лишних шагов.

Но остальные три супруги не были так спокойны.

Узнав, что процессия Оуяна с большой помпой въехала в Столицу и её масштаб превзошёл даже процессию императрицы, супруга Люй отправилась во дворец супруги Чэнь, чтобы обсудить с ней ситуацию.

Супруга Люй и супруга Чэнь были приняты в гарем по инициативе матери Ци Юньхэна, госпожи Юнь. После того как Ци Юньхэн укрепил свои позиции в армии повстанцев, его доверенные советники посоветовали ему забрать госпожу Юнь к себе, чтобы избежать захвата её в заложники императором Синхэ, а также чтобы избежать обвинений в непочтении к матери.

Ци Юньхэн понимал важность этого, и, хотя ему это было неприятно, он всё же нашёл способ вывезти госпожу Юнь из Столицы.

После воссоединения госпожа Юнь первой пошла на примирение, вспомнив счастливые времена, когда они с сыном жили в мире и согласии, и заявила, что её прошлые действия были вынужденными, лишь для того чтобы сохранить наследство отца от захвата другими. Теперь, когда времена изменились, она больше не будет заниматься такими бесполезными делами.

Узнав, что Ци Юньхэн ищет подходящих женщин для рождения наследников, госпожа Юнь воспользовалась своими связями и выбрала супругу Люй и супругу Чэнь, чтобы отправить их к Ци Юньхэну. Она понимала, что Ци Юньхэн не станет легко жениться снова, поэтому при выборе уделила особое внимание их статусу: первая была дочерью богатого купца, а вторая — дочерью одного из офицеров под командованием Ци Юньхэна. Их статус был достаточно высок, чтобы не унижать их, и их сыновья не стали бы объектами насмешек из-за низкого положения матери.

Ци Юньхэн не отказал им, но тот факт, что он сначала позволил супруге Гао родить старшего сына и только через год позволил супруге Люй и супруге Чэнь забеременеть, говорит о его истинном отношении к ним.

Супруга Люй и супруга Чэнь уже давно поняли, что отношения между матерью и сыном были лишь видимостью, но ни одну из них они не могли обидеть, и им приходилось осторожно лавировать между ними.

К счастью, вскоре появилась женщина, которая была ещё менее любима Ци Юньхэном, и это была нынешняя супруга Сунь, мать третьего сына.

— Ты так спешила сюда, наверное, из-за того, кто сейчас в Летнем дворце? — Когда супруга Люй прибыла, супруга Чэнь ещё занималась своим туалетом, но, учитывая их близкие отношения, она не заставила супругу Люй ждать и сразу же пригласила её в свои покои.

— С тех пор как я узнала, что император собирается вернуть его, я начала волноваться, чувствуя, что что-то должно произойти. — Супруга Люй села на диван, положив руку на грудь, и с нахмуренными бровями сказала:

— Говорят, что у того человека не самый приятный характер, но он почему-то так долго оставался в сердце императора, что тот, несмотря на насмешки, решил вернуть его во дворец... Должно быть, в этом есть какая-то причина.

— Я слышала, что он был очень красив. — Супруга Чэнь, глядя на своё отражение в зеркале, сказала с улыбкой.

Супруга Люй слегка вздрогнула, затем прикрыла рот рукой:

— Неужели император...

— Я просто пошутила, а ты уже поверила. — Супруга Чэнь улыбнулась. — Подумай сама, он

ведь ровесник императора, и даже если в молодости он был прекрасен, сейчас ему уже за тридцать. Женщина, если ухаживает за собой, может выглядеть на двадцать и в тридцать, но мужчина в тридцать и в двадцать — это не просто смена одежды или сбривание бороды. Я лишь беспокоюсь, что чем выше ожидания императора, тем больше будет разочарование.

— Ты права. — Супруга Люй кивнула, но затем снова нахмурилась. — Но я всё равно чувствую себя беспокойно.

— Успокойся. — Супруга Чэнь отослала служанок и, повернувшись к супруге Люй, сказала с улыбкой:

— Если кто и должен волноваться, так это не мы, а та, которая там!

Она указала пальцем на запад.

Супруга Чэнь имела в виду императрицу Ван, которая только что вышла замуж за императора перед Новым годом, и в данный момент императрица Ван действительно была в панике, но по причинам, несколько отличающимся от ожиданий супруги Чэнь и других.

Согласно их предположениям, существование императорского супруга не только делало титул императрицы нелепым, но и в значительной степени угрожало её положению и власти. Тот факт, что Ци Юньхэн до сих пор не передал императрице Ван печать феникса, был сигналом. Даже если императорский супруг был мужчиной и не мог, как императрица, управлять гаремом, управление гаремом было лишь одной из множества обязанностей императрицы и не самой важной. Это было скорее символическим жестом, в то время как контроль над евнухами и служанками был куда более значимым.

Если Ци Юньхэн действительно хотел передать реальную власть в гареме императорскому супругу, то императрица неизбежно стала бы марионеткой, превратившись в посмешище, а это нанесло бы серьёзный удар по её семье — ведь семья Ван приложила огромные усилия, чтобы их дочь стала императрицей. Если она не родит сына и не получит доступа к власти, как семья Ван сможет с этим смириться?

С любой точки зрения, если Ци Юньхэн намеревался дать императорскому супругу реальную власть, императрица не могла просто сидеть сложа руки и ждать своей участи.

Мысли супруги Чэнь были не лишены логики, но она не знала, что императрица Ван и Оуян были старыми знакомыми. Хотя между ними была разница в возрасте, они оба вращались в кругах последнего императора прошлой династии и хорошо знали друг друга.

Когда император Синхэ не смог завести детей, он приказал привести во дворец детей из знатных семей и чиновников, чтобы они скрасили его одиночество и, возможно, «привлекли» детей в его гарем. Независимо от того, хотели ли родители отдавать своих детей, пока они служили под знаменем императора Синхэ, им приходилось изображать восторг и отправлять своих детей к императору, чтобы они развлекали его.